

Клавиши понимания

Т. В. Базжина

(Российский государственный гуманитарный университет)

Размышления С. Д. Кацнельсона о порождении речи, реализации мысли в слове и стадиальности этого процесса вполне освоены последующими поколениями лингвистов, поскольку магистральный путь развития лингвистики последней трети XX века — формирование грамматики говорящего. Процессы же понимания — развертывания мысли от слова, поступившего извне, — только начинают попадать в фокус внимания исследователей в связи с возрастающим интересом к проблематике речевого воздействия и «социальной власти» языка.

В моменты, когда создается впечатление, что научные парадигмы кардинально меняются, стоит обращаться к классике, с тем чтобы увидеть преемственность традиции и по-новому взглянуть на кажущееся привычным и понятным. Если обратиться к творческому наследию С. Д. Кацнельсона, то можно вычленить два основополагающих постулата, кардинальным образом меняющих расхожие представления о механизмах понимания и речевого воздействия. Это постулат творчества (процесс понимания не является перенесением готовой мысли «из одной головы в другую», а представляет собой творческий процесс воссоздания мысли в связи с текстами, получаемыми извне [Кацнельсон 1972: 96]) и постулат индивидуальности (у каждого отдельного индивида этот процесс протекает по-своему в зависимости от уровня его знаний, особенностей личного опыта и других факторов) [там же: 101]. Попутно заметим, что создание собственно речевого произведения, равно как и понимание чужого, имеет в лингвистической традиции устойчивую метафору — музыкальную. В. Гумбольдт, А. А. Потебня, Ф. де Соссюр, Л. А. Булаховский, С. Д. Кацнельсон уподобляют использование языка исполнению симфонии музыкантами: поступающие извне тексты «ударяют по клавишам» и «приводят в движение духовный инструмент», в котором возбуждается понятие, а вместе с ним начинают вибрировать множество иных, созвучных ему и связанных в личном опыте слушателя. Формула понимания выглядит так: «Возбуждение извне — повод для развертывания своего» [там же: 107].

В механизме «развертывания своего» и кроется специфика любого речевого воздействия, особенно того, где результат расходится с изначальным целеполаганием инициатора воздействия. Этот механизм обусловлен единством синтеза-анализа, когда осуществляется переход от анализа структуры, вычленения строевых элементов к синтезу новой структуры из найденных элементов. Этот

процесс, называемый «внутренним переводом» [там же: 117] — с языка говорящего на язык слушающего, имеет свои маркеры понимания в реакции слушающего: *значит, то есть, поэтому, он хотел сказать, что* и др. Понимание в таком случае становится эквивалентом построения своего умозаключения о том, что говорил автор, а в центр внимания выдвигается механизм формирования выводного знания.

Понимание в сфере воздействия получает особое осмысление, поскольку считается, что здесь действуют механизмы пропаганды, которая есть не что иное, как перенос некоторого знания «из головы в голову» (несмотря даже на то, что новая эпоха ассоциируется с механизмами убеждения, то есть приобщения к правильному, нужному, искомому знанию). В этом аспекте анализ понимания как поиска знания и построения своего суждения индивидом или группой людей является ключом к пониманию механизма воздействия, равно как и процессов построения выводного суждения.

Вместе с тем, остается открытым вопрос о том, что именно действует в качестве «клавиш понимания», или, иными словами, какие элементы исходного текста запускают механизм понимания у слушающего и каков их репертуар.

Известно, что внимание слушающего привлекают прежде всего ошибки говорящего, при этом ошибочными могут считаться как нарушения языковой правильности, так и искажения фактов. Как показывают материалы глубинных интервью, проведенных с 148 носителями русского языка в 2004–2007 годах, помимо этого пусковым механизмом анализа (или включенного слушания) выступают языковые неожиданности, то есть отдельные слова, сочетания слов и синтагмы, непривычные для носителя языка, например, *групповая вертикаль; элиты и россияне; острая востребованность молодежи в творчестве; народ не пойдет, а оппоненты придут; я активно действую — уже дал поручение*. Подобные лексико-синтаксические инновации резко повышают число маркеров понимания в ответных реакциях слушающих, строящих свое выводное знание не столько об информационной составляющей текста, сколько о личности говорящего.

Уже сейчас ясно, что лингвистика XXI века будет занята построением грамматики слушающего/понимающего. В этом контексте небезынтересным представляется то, что процесс понимания ориентирован не только на *говорящее*, но и на *говорящего* и выводное суждение складывается из взаимодействия двух компонентов — знания и доверия.

Литература

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.